

ВОМЯ

№4

КОНФЕДЕРАЦИЯ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

МОСКВА

1.1.1990

Истосковавшись по продуктам питания и человеческому к себе отношению, ольщенные запахами "красиво гниющего" западного общества, мы как в бреду шепчем: "Многопартийность... правовое государство... парламент..." А не лучше ли, следуя совету английского философа Локка, "не поддерживать никакого предложения с большей уверенностью, нежели позволяют доказательства, на которых оно построено"?

Если участие в местном самоуправлении требует определенных знаний, известного опыта, то, казалось бы, что участие в такой сложной законодательной машине, какой является современный парламент, должно предъявлять спрос не только на "добрые намерения" депутатов, но и на некоторые специальные познания с его стороны.

Ничуть не бывало! На самом деле, громаднейшее большинство политических деятелей начинает

современных политических бойцов. Между ними есть тонкие и блестящие юристы, талантливые доктора, большие ученые, выдающиеся писатели, положившие годы на добросовестное изучение своей специальности, составившие себе имя трудами в своей области и тем не менее, все они с удивительным легкомыслием бросают один свой адвокатский попир, другой хирургический нож, когда открывается возможность попасть в парламент. Они не понимают или не хотят понять, что управление судьбами целого народа есть бесконечно более сложная отрасль знаний, чем та, которой до сих пор посвящали они свои силы.

Неудивительно, что парламентская работа любой страны поражает своим бесплодием рядом с колоссальной растратой сил народа. Проходят целые сессии, не принося с собой положительных результатов, время уходит на непрерывную болтовню, обсуждение мертворожденных проектов, закулисные интриги и партийные счеты (...).

...Теперь все знают цену парламентскому слову, но, по-прежнему, интеллигентские болтуны занимают доминирующее положение в парламенте (...).

Общезвестно мнение Спенсера, что парламенты в общем крайне невежественны, что они, как правило, ниже среднего уровня страны, и в умственном и моральном отношении (...).

Умственное и моральное убожество парламента, конечно, объясняется не тем, что в него попадают лишь убожидки нации; честолбие, корыстные расчеты, дон-кихотство нередко бывают причиной появления в бесцветной толпе парламентариев крупных общественных талантов; но, в силу уже своей внутренней природы, парламент должен вступать в горячую борьбу со всем, что стремится вырваться из дурных стес партийной дисциплины; он нивелирует своих членов, оскотчивает их проекты, уродует их поспражки и разъяснениями.

Он позволяет говорить иногда о мировых проблемах, он дает иногда высказаться беспокойному духу какого-нибудь парламентского "несносного ребенка", но все его решения умеренны, плоски, канцелярски-бездумны...

(А.Боровой, Революционное творчество и парламент, Москва. "Смена Труда", 1917)

ЗЕРКАЛО ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Впрочем, как оказалось, не все так уверены в рациональности этой формы "народного представительства". Сегодня, в противовес потокам сладких речей о пользе парламентаризма, мы предлагаем вам отрывок из книги незаслуженно забытого ныне автора - видного теоретика анархизма начала века, профессора Московского Университета Алексея Алексеевича БОРОВОГО.

"Парламентская сессия открыта. На скамьях парламента сидят "избранники народа", которым страна доверила блюсти ее многосложные, разнообразнейшие интересы.

Кто же они - эти хозяева страны? Те, на которых она отдала столько времени, энергии, денег? Те, которым принадлежит последнее решающее слово по всем волнующим и поднимающим народ вопросам?

Уже по одному тому, как их избирают, мы могли бы судить, что это - люди далеко не всегда популярные даже у себя в округах, которые посылают их от себя представителями. Популярность, как мы видим, создается беззащитной рекламой и щедростью партийных комитетов. Эти люди могут быть очень далеки от интересов представляемого ими места, они могут плохо знать его нужды, но это не является необходимым для них. Политический деятель должен знать нужды своей партии, должен уметь жить ее интересами и уметь облекать в парламенте постулаты в пышную оболочку общегосударственных задач.

только впервые проходить социально-политическую азбуку, находясь уже на скамьях парламента. Наоборот, те депутаты, - правда, незначительные числом, - которые получили специальную подготовку в форме государственно-политического или экономического образования, обычно незнакомы с реальными конкретными нуждами страны. Легко обращаясь в мире абстракций, способные создавать общие отвлеченные лозунги, они бессильны наполнить свои вялые формулы жизненным содержанием. Они творят для архивов, но не для жизни.

Но кто же, наконец, все эти дилетанты, призванные управлять страной?

Прежде всего - это многочисленные представители интеллигенции, давно монополизировавшей парламентские скамьи (...). От интеллигента, делающего политическую карьеру, не требуют широких или основательных сведений в какой-либо отрасли общественных знаний, он может быть глубоким профаном в наиболее важных вопросах государственной жизни, но он должен уметь или хорошо говорить, или хорошо писать, хорошо владеть одним искусством - быть идеологом людей, дославших бороться не за дело или правду, а за тех, кто его избрал. И интеллигенция в изобилии поставляет таких людей. Адвокаты, врачи людей и животных, педагоги разного рода, и, наконец, многочисленные и разнообразнейшие представители литературного и журнального мира - таковы кадры

МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ

Наши корреспонденты Максим Кунишинский и Александр Чернуков встретились недавно с лидером группы "ДДТ" Юрием Шевчуком. Запись этой беседы мы предлагаем вашему вниманию.

Вначале разговор зашел об идеях анархизма и, в т.ч., о Конфедерации анархо-синдикалистов.

Д.Ш.: "Как я к вам отношусь? Я вообще в этом плохо разбираюсь. Я не занимался теорией, дилетант в этих вещах, но, чисто по душе, я всегда знал, что батяня Махио был великим человеком. Знал, что нам, как говорится, втирают по ушам. Я в это никогда не верил, потому что движение было, во-первых, целиком человеческое, т.е. политическим его, назовем, трудно назвать. Хотя это тоже политика... Я, еще раз повторю, что политической дал себе слово давным-давно не заниматься. Потому что художник (если он себя таковым считает) видит мир как-то иначе. То есть видит, конечно, так же, но он не считает, что политическими действиями можно изменить его к лучшему. Если бы он считал так, то он был бы не художником, а стал бы политиком. Художник остается художником. Для него есть Бог, Человек, Личность. Что такое творчество, как писал Бердяев, как не оправдание своей жизни перед Богом. Конечно, не творчество ради творчества — страна сейчас в ужасном состоянии. То что вы есть — это, конечно, здорово... Наверное, я в душе анархист, потому что не верю в политические системы, в какую-то панацею, т.е. ни в социализм, ни в коммунизм... Мне нравятся ваши идеи, так как история показала — нельзя железной рукой установить демократию."

— Может быть, то что происходит — это эволюция человека?

Д.Ш.: "Эволюция?... Не думаю, вообще боюсь таких слов. Человек как Творец, как Демиург, как Бог подобное существо, и единственное, что отличает его от животного мира — это способность творить. А любой художник знает, что прогресса в искусстве быть не может, его нет. И Вознесенский ничуть не умнее Пушкина — это тоже говорит о многом..."

Любовь, радость, деторождение, печаль, труд, кровь, пот, мука, совесть — все это было всегда. И если я не верю, так я не верю в теорию эволюции по отношению к человеку. Все это бред, запутки..."

Художнику, может быть, меньше всего нужна скорость в бытовом понимании времени и пространства. Он должен быть способен и обязан быть везде и всюду, быть Творцом. Ему не нужен автомобиль, чтобы все это понять, прочувствовать и пронести через себя..."

Вы, наверное, чувствуете, что здесь очень много общего с анархизмом — это естество, мы говорим сейчас о естестве. И вот анархия, как я ее понимаю — это наиболее близкая к человеку идея, движение. Попытка разрешить проблему естественным путем..."

— Точнее — это попытка освободиться от навязанных схем, как впрочем, это случается и в искусстве..."

Д.Ш.: "По вашим словам выходит, что любого художника, едва родившись, можно считать анархистом. Правда в этом есть... Сейчас главное, что мы должны делать — это объяснить человеку, что он не скотина. Ситуация сложная еще и потому, что есть много людей, которые знают, что им надо есть, пить, спать, которые добиваются этого. И, действительно, они имеют на это право. Но за этим ничего не стоит. Человек у нас не умеет жить вместе, не умеет голосовать. Да и вообще, очень часто бывает так, что Совет, голосование не приводит к лучшим решениям — история с этим уже познакомилась через кровь. Смотрю я на

ношений. Суть свободы — рядом со смертью, рядом с Богом. Я, конечно, не теоретик, но моя гипотеза такая: вот человек, у него три составные — тело, душа, сознание. Человек-отшельник — отдален от тела, у него душа и сознание. Человек без тела, а имеющий только душу — это провидый. Человек с телом и сознанием — сами знаете кто. А душа, она — вот, это уже смерть, это и есть свобода."

Человек — очень сложное существо. Он настолько заземлен, с одной стороны, с другой стороны, утопичен... Я сейчас много читаю о 17-м, перевороте Октябрьском. Любовь, идеалы вечного братства... Федор Михайлович со своими слезами, Лев Николаевич со своим уходом... Но включились механизмы, и началось, и все! Где эти идеалы?!

Человек потому и есть человек, что он не есть только идея. Господь сделал страшную запутку, когда дал ему три эти штуки, в них и есть все противоречие. Меня не политика интересует, а человек. Он во мне, я живу с ним, мухаюсь, как человек пияущий, рассматривая его в разных качествах. Может, рядом и анархия скачет на вороном коне..."

этот Верховный Совет... Даже новое слово придумали — депутатам. Есть депутаты, а есть депутаты — там таких больше. Мне кажутся иллюзорными все эти Советы, голосования, все решают, решения справедливы. Что-то я в последнее время мало верю в то, что голосовать будут за то, что действительно высоко."

Меня человек интересует, а политика — это ведь однодневная бабочка. А сейчас, чем больше свободы, тем более человек становится один."

— Как ты, в связи с этим, определяешь для себя понятие свободы?

Д.Ш.: "Это одиночество, если говорить абсолютно, полное одиночество, никаких коллективных от-

— Только не на вороном..."

Д.Ш.: "Нет, на вороном. И когда меня спрашивают, о чем я писал в эпоху т.н. застоя, я говорю: "Господа, я раньше писал о человеке, смотрел на него в застойной среде, а сейчас в этой, перестроенной..."

— А какая она, эта "перестроенная среда", продолжает сохраняться "предчувствие гражданской войны"?

Д.Ш.: "Очень хочется верить, что мы сможем избежать этого. Если бы не было этой веры... Мои родители были детьми репрессированных. Их судьба — это судьба многих. Как страшно говорить, что для нас это — естественная судьба, для нашей страны это естест-

венно. Люди сейчас страшно запутаны, и такие, как вы необходимые, потому что массам нужна сильная личность. Не важно, кто это будет - Ельцин или Лигачев. И это ощущение... это ужасно. Мне не верится, что кто-то из них будет лучше или хуже. Это одинаково ужасно. Сильная личность всех накармил, кое-кого постреляет. Как великолепно это сделал Адольф Гитлер - весь народ накормил, всех проституток перестрелял. И удивительная страна Гете и Шиллера - Германия была довольна. А у нас? - это о чем-то говорит... Или Ельцин - невольничек, который, как большевики в 17-м, забил народу бабки тем, что обещает отнять и поделить все то, что наворовано... Или та же Нина Андреева. Просто кому-то очень нужно, чтобы она была одинокой фигурой, символом. Кому-то выгодно, чтобы сверкала Нина Андреева, чтоб на ее фоне обделывать свои темные делишки. Халко их... сироты...

- Если главным для тебя является человек, то какую роль в этом играет форма выражения твоего отношения к нему, то есть, рок? Что вообще можно считать рок-н-роллом, а чем его критерий?

В.Ш.: "Каждый, кто здесь работает, считает, что он и есть рок-н-ролл. А если серьезно..."

Рок-н-ролл - это любовь, но любовь в каком-то другом понимании, не в обмыденном. Меня часто спрашивают: "Ора, а у тебя есть хоть одна песня про любовь?" Я говорю: "Вы что, у меня все песни про любовь..." Так же и рок-н-ролл. Что и о нем могу сказать? Да я о нем вообще ничего не могу сказать. Просто он есть, он - в нас... Я могу много теоретизировать, говорить, что это свежая кровь, что это наместие варваров на Рим и т.д."

- Но все же, рок - это истоки или что-то абсолютно новое?

В.Ш.: "Это все вместе. Это, во-первых, энергетика. Во-вторых, это и свежая кровь. А у нас - это и Слово, прежде всего, синоним правды. Мне всегда, еще в те годы, было приятно слушать, когда ребята начинали спорить: "А вот Высоцкий - это кто, рокер, или не рокер?" Никто же не спорил о том, что был Лещенко, никому это и в голову не приходило. Посыл-то ясен... Косвенно, конечно, но это тоже говорит о многом, о том, что все это очень серьезно. Конечно, это варварство, но варварство - это возвращение к изначеству, к простоте. В искусстве это бывает всегда. Это мы и называем рок-н-роллом. Многие говорят, что это конунство, это бред, это жлобство: где же "искренность"? Но, на самом деле, это свежая кровь, которая была необходима изрядно одряхлевшему искусству. Во-вторых, рок-н-ролл возник не случайно после этих ужасных войн, когда слова, что искусство спасет мир, казались в очередной раз конкретной неудачей. Рок-н-ролл еще раз показал, что у нас есть жизненные силы. Он показал, что мы еще раз смогли все начать заново. Так же как ваша анархия..."

Россия, конечно, последняя страна, которая дала ему мощь, глубину, печаль, тоску, дала "российский блюз". И, прежде всего, дала ему Слово. Рок-н-ролл был своего рода сабельным ударом. Потом искусство будет уточняться, в очередной раз, усложняться, заговорят другие орудия. - Но

рок-н-ролл был подачей в этой жуткой стране, где, казалось, уже - все, уже - ничего нет, а он - бах... записал! Сейчас, правда, уже не то... Рок перестал быть альтернативой, перестал быть движением. Он переливается в разных качествах. Эстетику формы во многом взял под сомнение, поскольку сейчас меданни уже понимают то, что не понимал 10 лет назад. Как всегда... Импрессионистов тоже сначала не понимали, потом к ним привыкли. Меданни главное - дать время привыкнуть..."

- А легендарный underground, что это на сегодняшний день?

В.Ш.: "Сейчас все сложно так, как-то все не то. Время такое - мало тех, кто пишет что-нибудь хорошее. Раньше все мы верили в какие-то иллюзии. Как ни парадоксально, но они нам сейчас кажутся иллюзиями, а тогда они не были иллюзорными, весь этот underground, братство. Все это лопнуло, как мыльный пузырь. Мы ведь тоже в своем роде коллектив, и ты тоже ангажирован underground'ом. И ты в нем, кстати, страшно несвободен, по большому счету. Потому что чуть что, тебе сразу скажут: "А-а-а! Продайся!" Сейчас все эти иллюзорные коллективные связи начали рушиться. Наша эпоха дала человеку возможность побыть с самим собой наедине, и все разбежалось из этого корабля, называемого underground'ом. Каждый идет своей дорогой, каждый в меру сил свободен и одинок. Многие это мучительно переживают. Лопнула масса королев квартирных, много погибло, но мы остались. Сейчас время такое - каждый "тихо сам с собой" ведет беседу. Разбирается и сомневается, чувствует, что надо что-то делать. А опыт жизненный подсказывает, что тут надо быть очень осторожным, чтобы не наломать дров. Если не знаешь, куда вести - лучше эту паству оставить в покое. Сложная ситуация для таких, как я. Я прожил какую-то жизнь, родился-то вообще в Магадане, на Колыме, стоял в очередях за хлебом пацаном во времена Хрущева. Плакал, когда меня принимали в иншеры, и совершенно посылал всех, когда выгнали из комсомола. Я провел вместе со своей страной все то, что мог пройти такой, как я. И мой жизненный опыт говорит, что сейчас надо посидеть и подумать".

- У нас давно стало традицией, что гениев поднимают на щит только после смерти. Недавно вспомнили о Башлачеве. Ты знал его раньше?

В.Ш.: "Я Саму знал достаточно давно. Мы с ним познакомились в 82 году, когда он еще не писал этих песен. Как отношусь? Хорошо отношусь. Бить себя в грудь, пускать слезы не буду. Я не верю в слова, что поэта убило общество, страна, враги. И Пушкина, и считав, не Дантес застрелил и не царь. Поэт доходит до такой грани, приходит к какому-то новому качеству, когда ему не пишется уже и не живет. Всего лишь. Нормальная жизнь, нормальная смерть - горя нет. Вернее, горе есть, но нет этого визга. Начинают все звать. Я сам раньше был: "А-а, а чтобы он написал, если бы был жив?" А сейчас спрашиваю себя: "А не написал бы он кучу дерьма?" Написал бы. Господь таких любит и потому забирает. Господь не любит Вознесенских, Нико-

лаев Трипкинских. Не любит Гребенщикова."

- А ты его любишь?

В.Ш.: "Как понять - не люблю?! Я его просто не считаю поэтом, он им никогда не был. Он бухгалтер, арифметик, математик. Хлебников тоже был математиком, но он был поэтом, а у Гребенщикова - не вышло. Поэтому он и дернулся в Америку. Есть две породы певцов - один всю жизнь одну песню пишет, а другой завоевывает пространство. Завоевал Россию, куда надо? В Европу! Потом куда? В Америку! Потом в Австралию... И все надо завоевывать, покорять. Ну а поэты этим не занимаются. Россия - это пространство, которое не преодолевается посредством скорости."

- Разговор явно клонится к загадочной русской душе?!

В.Ш.: "Я об этом думал как-то с похмелья, и нашел для себя ответ, не знаю, подойдет ли он вам. Это когда печаль и радость одновременно. У Башлачева в "Ванюша" это есть. Сама был настоящий поэт, без всяких. Изумительный был человек, самый талантливый из всех нас, как Пушкин, что ли..."

- Как ты связываешь стихи и музыку? Всегда ли для тебя стихи - это только тексты или же у тебя бывают вещи, к которым не нужен аккомпанимент?

В.Ш.: "Стихи становятся стихами тогда, когда в них уже есть музыка. Когда гитара не нужна, и она становится ложкой дегтя. Поэтому мне не очень нравятся романсы на стихи Пушкина, хотя бы это был и Чайковский. У меня стихи есть, но это целиком лирика. Вот, например:

ОСЕНЬ

Осень. Небо. Хлебы. Снеги.
Чистота холодных глаз.
Лето, лето на телеге
Укатилось от нас.
Лета - нету. Как кометы
Блещут листья на ветру.
Осень - крики без ответа.
Осень - вера в тишину.
Скоро вьюги и метели,
Скоро смерти заговорит.
Только ели еле-еле
Зеленая греет вид.

Или вот еще, такой детский стишок про меня:

Вот на столе аквариум,
В нем плавает карась.
Зеленый, недозаренный,
Порезанная пасть.
Его, рыбку скромную,
Лихие рыбаки
Забрали ночью сонного
Из озера-реки.
Бедняга глупо тычется
В прозрачное стекло.
Зай! Масло, соль отыщется?
Поджарьте нам его.

- И последний вопрос: так что же такое "ДДТ"?

В.Ш.: "Дуст".

- И все?

В.Ш.: "И все."

НА 2 СТР. -
РИСУНОК Ю.ШЕВЧУКА

ХОДИЛ МОИ ПОХОДАМИ

7 ноября 1989 года от рождения Христова на территории столицы, в городе-герое нашего времени Москве чуть было не восторжествовала временная демократия. Некоторые, впрочем, наивно полагали, что она восторжествует с этого дня и до окончания веков. Именно на этот "красный день календаря" Московское объединение избирателей запланировало проведение "опозиционного действия", сиречь демонстрация, которую само же МОИ скромно окрестило "альтернативной". Очевидно, демонстрация на Красной площади МОИ подсознательно все же воспринимало как основную.

Рекламу сего мероприятия МОИ развернуло солидную. По примеру Остана Ибрагимовича сияющие дали были расписаны в розовые тона. Застенчивый "объединившийся избиратель" ожидал, как минимум, манифестации перед мавзолеем, Ельцина на белом броневике. Избиратель жаждал увидеть Михаила Сергеевича, дрожащими руками спешно вычеркивавшего статью 6 из Конституции. Но, как это водится в стране Советов, от бублика осталась лишь маломатериальная дырка. Явившись "на площадь в назначенный час", то бишь к восьмью утра на ст. метро "Динамо", демократические силы города Москвы с удивлением обнаружили, что поведут их не по брусчатке, а лишь к спорт-комплексу "Олимпийский". Причина изменения маршрута, как сообщила представительница МОИ (Тушинский клуб избирателей), заключалась в том, что на предварительной встрече в Моссовете лорд-мэр Сайкин и два генерала (которых Сайкин прокормил-таки!) - Богданов и Мыриков "предлагали нам хоть пляски на стадионе, хоть столы с икрой, лишь бы мы не шли на Красную площадь".

Поскольку маршрут был изменен, нам остается лишь предположить, что МОИ выбрало икру. Мало того, обманув ожидания демократов, МОИ не остановилось, а пошло дальше... С прибывавшими к месту сбора неформалами происходил следующий "казус" - представители МОИ ласково, но настойчиво предлагали им либо идти в хвосте, либо образовывать свою собственную колонну.

Но вот колонна дрогнула, вздохнула, внутренне перекрестилась и... пошла. Двигалась она

неуклонно и необратимо, хотя и довольно медленно. С удивлением выглядывавшие из окон домов "непосвященные" могли прочесть следующие лозунги, гордо реявшие над буйными демократическими головами: "Ельцин - проснувшаяся совесть КПСС", "Народ и армия едины!", "72 года на пути в никуда" и т.д. Однако, на первой же развилке выяснилось, что, в отличие от народа и армии, манифестанты далеко не так едины. "Радикалы" попытались направить колонну на штурм тоталитаризма, то есть к Кремлю. Таким образом, тот факт, что тоталитаризм устоял и на этот раз, необходимо целиком и полностью отнести на счет МОИ, успешно выполнившего роль сил сдерживания.

Сначала шли молча. Затем в голове колонны (ее вел Зеленоград) начали зарождаться какие-то комсомольско-молодежные настроения, делались попытки запеть "Катюшу" и "Ой, цветет калина...". Для полноты картины не хватало только песни "Не расстанусь с комсомолом". Но вскоре одобрительный рокот заглушил песнопения: к колонне стали присоединяться народные депутаты - Андреев, Гдлян и др. Депутаты образовали свою номенклатурную депутатскую цепочку и начали независимо демонстрировать. Присутствие свободомыслящих депутатов вдохновило демонстрантов на скандирование революционных лозунгов: "Ель-цин!", "Тель-ман Гдлян!". Самое решительное было: "Ли-га-че-ва до-лой!", весьма напоминавшее издали "Спар-так - чемпион!". Все это перемежалось с криками "Ура!" и "Долой!", которые вообще неизвестно к чему относились.

Вот тогда-то и произошел тот раскол, который давно назревал и о котором так долго говорило МОИ.

На Новослободской улице самые непримиримые демократы, не выдержав, наконец всех гнусностей либерализма, вышли из основной колонны и... яет, не пошли к Кремлю, а образовали свою собственную "демократическую колонну".

В этот момент каждый желающий мог подсчитать, сколько в СССР метров от демократии до либерализма. Неукротимая колонна, состоявшая из активистов ДС и РНФ, вырвалась вперед ровно на 60.

Тогда, с целью подчеркнуть ко-рректное отличие от "экстремистов",

МОИ остановило свою колонну и стало выжидать, куда те не скроются с глаз долой. Демократы же, увидев что тылы отстают, вдруг осознали, что последствия могут быть самыми печальными, а посему - тоже встали. Простояв так некоторое время и убедившись, что в этом пункте демократы принципами не поступятся, МОИ, вздохнув, двинулось вперед. "Товарищи, - говорили распорядители, - нам некогда спешить, идем прогулочным шагом".

Для поддержания революционного духа обновления, проходя мимо Бутирок, демонстранты начали скандировать - "Сухарева долой!". На более человеколюбивые шли несколько дальше - "Сухарева в Бутирки!".

Так, мило и непринужденно развлекаясь, обе колонны подошли к "Олимпийскому". Там собравшиеся узнали, что (по оценкам МОИ) их численность на тысячу превышает число прошедших по Красной площади и составляет 104 тысячи. По другим оценкам (не столь объективным и беспристрастным) общая численность снижалась в 9-13 раз.

Своеобразным "гарниром" к шествию стал митинг, о котором можно сказать словами представителя МОИ Боксера: "Истина - проГДЛЯется". Как говорится, тут не убавить, не прибавить.

После выступлений нардепов Андреева, Гдляна, Мурашова, Кузьмина, а также некоторых представителей "от неформалов", митинг был объявлен законченным и микрофон отключили. Но, не тут-то было! Демократы, не сумевшие в "свой назначенный час" посеять разумное, доброе, вечное, стали рвать друг у друга из рук мегафон и соревноваться в знании статистических данных о количестве жертв тоталитаризма, последовательно увеличивая их численность (от 98 млн. к 102 и далее). Одновременно крепчал мороз, который в конце концов, и заставил демократов разойтись.

Из сего, несомненно, богоугодного мероприятия, осталось все же неясным - какую цель оно, собственно, преследовало (если не брать во внимание демонстрацию руководящей и направляющей роли МОИ)? Ну, "вышли на площадь", а зачем вышли-то?

А. ВЛАДИМИРОВ

ХРОНИК ДС

1 ДЕКАБРЯ. ДНЕПРОПЕТРОВСК. Член Конфедерации анархо-синдикалистов Олег Дубровский был вызван к прокурору Индустриального района Слепцову, который потребовал прекратить распространение листовок "буроражающих население". Прокурор предупредил, что скоро в стране произойдут крутые перемены, которые дадут возможность дать оппозицию не опираясь ни на какие законы. Так же прокурор выразил надежду на восстановление формулировок статей 70 и 190-прим. Ненасилие было расценено им как ширма, которой анархистам и националистам выгодно сейчас прикрываться.

"Я вижу вас бесполезно уговаривать. Скоро наша власть начнет защищаться по-настоящему" - закончил беседу прокурор Слепцов.

★ ★ ★

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ. В девятом номере журнала "Век XX и мир" под заголовком "Неформалы против насилия" опубликовано обращение 1 съезда КАС к независимым общественным организациям страны о недопустимости применения клеветы и насилия для достижения своих целей.

ПОДПИСКА!

Для подписки на "Общину" и "Волю" вышлите по адресу: 129 642, Москва, проезд Дежнева, д.9, к.1, кв.89, Букетову Кириллу Александровичу, перевод на 5-6 номеров вперед из расчета около 2 руб. за экземпляр "Общины" и 50 копеек за экземпляр "Воли" (цены ориентировочные) + почтовые расходы.

"ВОЛЯ", газета Московской организации КАС № 4.
РЕДАКТОРСКАЯ ГРУППА: Василий ГРУШИН, Владимир ПОТАПОВ, Михаил ЦОВБА, Александр ШЕРШУКОВ. ОФОРМЛЕНИЕ: Николай ЛЫСОВ.
Пишите нам по адресу: 113 209, Москва, ул. Болотниковская, д.38, кср. 6, кв. 47, ШЕРШУКОВУ А.В.